

и отмечавшаяся, например, применительно к западноевропейской культуре М. М. Бахтиным⁵. Любопытно, что, по мнению автора, подобный амбивалентный подход был в ведийском обществе привилегией высшего образованного сословия, но не масс (стр. 60—61) — в этом он прямо расходится с толкованиями К. Гельднера и с соответствующей концепцией М. М. Бахтина, исходящего, впрочем, из совершенно иного материала. Интересны его замечания о поведении аскета в связи с действием мазохистических и садистических компонентов психики (стр. 23). Анализируя показательный характер отдельных выражений Ригведы, подчас вложенных в уста женщины (например, Рв I, 126, 7), он приводит интересные параллели из современных психоаналитических наблюдений над манерой выражения пациенток (стр. 98; там же, прим. 43 — наблюдения Т. Райка). Исследователям Ригведы будут интересны характеристики отдельных гимнов — X, 86 (стр. 57 сл.); I, 179 (стр. 64 сл.); X, 102 (стр. 101) и др. Заслуживают внимания и некоторые замечания И. Фишера о трудах его предшественников, — в частности, суждение о Р. Шмидте (стр. 38—39, прим. 3).

Не во всем удачной представляется композиция книги. Так, четвертую часть III главы («Фаллический культ» — стр. 85 сл.) было бы лучше, на наш взгляд, поместить во вторую часть II главы (стр. 43 сл.), трактующую о ведийской религии. Содержание IV главы (о языке Ригведы) хотелось бы видеть изложенным раньше, непосредственно за введением ко II главе, поскольку анализ сравнительно более «высоких» уровней текста логичнее было бы предварить анализом более «низких», а не наоборот. В рамках той же IV главы сведения об образе *dugdha* (стр. 102), связанном со скотоводством, следовало бы перенести в соответствующую часть этой главы (стр. 93—94).

С меньшей полнотой, по сравнению с Ригведой и упанишадами, использована автором литература брахман (глава V, ср. стр. 131—132), дающих богатый материал для анализа⁶. Жаль, что к книге не приложена библиография вопроса, хотя бы ограниченная кругом более специальных трудов по теме исследования, — насколько нам известно, сколько-нибудь

полной библиографии такого рода до сих пор нет. Естественно, что автор не мог привлечь всю огромную литературу, посвященную разным аспектам изучения вед, да в этом, пожалуй, и не было необходимости. Однако отдельные работы, непосредственно связанные с темой или теми сторонами его исследования, желательно было бы учесть. Так, например, для соображений о «светском» и «религиозном» в Ригведе и о ведийском юморе (стр. 43, 52—53) важное значение имеет статья Я. Гонды⁷, останавливающегося, в частности, на гимне Рв X, 102. Можно было бы сослаться и на наблюдения М. Р. Ананда относительно использования понятия *kāma* в Атхарваведе⁸ и на отдельные замечания в некоторых из более общих трудов А. Алтекара⁹, П. Томаса¹⁰, П. Мукерджи¹¹ и др.

Отдельные недочеты не могут поколебать высокой оценки книги И. Фишера. Как более общие методологические предпосылки автора, так и его конкретные наблюдения обнаруживают глубокое понимание специфики ведийского канона, умелое и осторожное обращение с текстом. Исследование И. Фишера является необходимым подспорьем для анализа более поздних индийских образцов жанра *kāmaśāstra* — в этом отношении оно полностью подтверждает справедливость соображений, высказанных в предисловии (см. выше), и следует пожелать автору успешного осуществления его замысла в целом. Но и в рамках настоящей монографии труд И. Фишера полностью сохраняет самостоятельное значение как исследование, важное не только для индологов, но и для социологов, этнографов, историков медицины. Это наиболее серьезный опыт изучения ведийской жизни в одном из важнейших ее аспектов, без учета которого нельзя сколько-нибудь удовлетворительно понять многие стороны классической индийской культуры.

А. Я. Сыркин

⁷ J. G o n d a. The So-called Secular, Humorous and Satirical Hymns of the Rgveda, «Orientalia neerlandica», Leiden, 1948, стр. 312 слл.

⁸ M. R. A n a n d, Of Kamakala. Some Notes on the Philosophical Basis of Hindu Erotic Sculpture, «Marg», X, 1957, № 3, стр. 45 слл.

⁹ A. A l t e k a r. The Position of Women in Hindu Civilization from Prehistoric Times to the Present Day, 3 ed., Delhi, 1962.

¹⁰ P. T h o m a s, Indian Women through the Ages, L., 1964.

¹¹ P. M u k h e r j e e, Some Notes on the Study of the «Woman Question» in Ancient India, «Man in India», 44, 1964, № 3, стр. 264 слл.

⁵ М. М. Б а х т и н, Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса, М., 1965.

⁶ Ср., например, данные конкорданса: Vaidika-padānukrama-koṣaḥ (A Vedic Concordance) by Sāstrī, vol. II, pt. I — II, Lahore, 1935—1936, s. v. *kāma*, *yoni*, *retas* и др.

Handbuch der Archäologie. Allgemeine Grundlagen der Archäologie. Herausgegeben von U. Hausmann, München, 1969, XXXI + 530 стр., XXX табл., 92 + 21 рис.

Вышедший в свет I том «Руководства по археологии» имеет свою большую историю, на которой прежде всего необходимо остановиться. Первой попыткой составить справочник такого рода явилась книга К. Зиттля¹, изданная в той же серии — «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, hrsg. von Iw. Müller». Поскольку такая огромная задача — создать пособие, охватывающее неисчерпаемый уже к тому времени материал, — оказалась явно не под силу одному человеку, руководство Зиттля скоро утратило всякую ценность и, по справедливому замечанию С. А. Жебелева², в настоящее время может принести пользу только в отношении библиографических справок. Это было осознано через неполных 20 лет составителем нового справочника в этой же энциклопедии Г. Булле³, который привлек к работе над его составлением уже ряд специалистов. Первая мировая война помешала замыслам издателя — выпустить намеченное руководство в четырех томах, и все издание прервалось на появившемся в 1913 г. первом выпуске (три первых главы). Прерванные замыслы были продолжены В. Отто, который принял на себя вслед за Ив. Мюллером и Р. Пёльманом руководство по изданию всей энциклопедии «Handbuch der Altertumswissenschaft». Он отвел «Руководству по археологии» VI том этой серии, который в свою очередь должен был подразделяться на ряд томов. До второй мировой войны (в 1939 г.) успел выйти только I том, который и явился непосредственным предшественником и прототипом рецензируемого издания. После войны выпуск этой серии был продолжен. В 1954 г. вышел II том, трактующий о неолите и бронзе Европы, а также о европейских «Randkulturen», т. е. о граничащих с античностью периферийных культурах. Кроме этого появился ряд выпусков (Lieferungen) различных томов: вып. 4 и 7 составили II том, вып. 5 (1950 г.) содержит работу Г. Липпльда об античной пластике, вып. 6 (1953 г.) — монографию А. Румфа о живописи и рисунке в античности. На этом издание снова заглохло и возобновлено теперь только в 1969 г. под эгидой нового издателя — У. Хаусманна (в то время как издание всей энциклопедии принял на себя Г. Бенгтсон).

¹ K. Sittl, *Archäologie der Kunst*, München., 1895.

² С. А. Жебелев, Введение в археологию, ч. I, Пг., 1923, стр. 85 сл.

³ Handbuch der Archäologie, hrsg. von H. Bulle, Münch., 1913.

Со времени выпуска I тома Handbuch'a прошло ровно 30 лет, и новый вариант претерпел по сравнению с прежним ряд существенных изменений. Во-первых, новое издание, оставаясь в рамках «Handbuch der Altertumswissenschaft», не составляет ныне его VI тома, а будет представлять собой особую энциклопедию, своего рода status in statu. Общее количество его будущих томов еще не определено (интересно, что и на титульном листе данного тома не стоит цифра I). Во-вторых, по сравнению с изданием 1939 г. из данного руководства исключены разделы о конкретных эпохах и областях археологии: палеолит (О. Менгин), Египет (А. Шарфф), Передняя Азия (Е. В. Андр., К. Ватцингер), которые составят особые тома монографического порядка. По проспекту издательства К. Г. Бекка предполагается издать следующие монографии: 1) Египет (Г. В. Мюллер); 2) Передняя Азия I: кроме Сирии, Палестины и Кипра (Б. Хроуда); 3) Передняя Азия II: Сирии, Палестины, Кипр (Г. Г. Буххольц, П. Вельтен); 4) Античная глиптика. Геммы и камни (П. Цацф); 5) Греческая пластика (Г. Липпльда — переиздание); 6) Греческая архитектура (А. Малльвиц); 7) Греческие малые бронзы (У. Йанцен); 8) Античные золотые украшения (А. Грайффенхаген); 9) Античное стекло (А. Зальдерн) и др. Кроме того, во II том, трактующий о каменном и бронзовом веках Европы, будут включены разделы о раннем железе Европы (особенно о гальштате). В центре всего изложения будет стоять классическая археология, тома и отдельные разделы о неантичных культурах должны служить, по мнению издателя (стр. VI), археологу-классику для ознакомления с эпохами, предшествующими и синхронными с античной, и с областями, граничившими с греко-римским миром, ввиду того, что античник не может освоить их сам, прежде всего по причине отсутствия надлежащих знаний восточных и иных языков.

Handbuch в его новой редакции делится на две части, первая из них рассматривает вопросы: 1) понятия и метода археологии; 2) истории науки; 3) проблемы формы в искусстве древности. Вторая часть посвящена письменности и письменным памятникам.

Раздел «Понятие и метод археологии» (стр. 3—10) написан известным археологом-антиковедом Э. Бушором и представляет собой слегка переработанный текст, подготовленный тем же автором для издания 1939 г. Бушор определяет археологию как науку, изучающую «доступную глазу часть истории чело-

вечества», иными словами, как науку о памятниках материальной культуры; это определение сейчас общепризнано. Автор рассматривает различные видовые ступени вещей, поднимающиеся от простейших к высшей своей форме — образительному искусству. Хронологические рамки науки обширны — от появления на земле человека до современности, но предпочтительнее понятие «археология» связывается с античностью, откуда оно и пошло. Автор рассматривает различный подход к изучению вещей, основанному на методе. Метод, по его мнению, не константа, он зависит от исследователя и от самого памятника. В первом аспекте метод изменяется во времени от поколения к поколению. с другой стороны, он зависит от местности и характера объекта. Отправляясь из исходного пункта — наблюдения над объектом, автор выделяет три его стадии: 1) чисто физиологический акт; 2) наблюдение над формой, в научной среде детерминированное, сравнительная оценка впечатлений; 3) чувства и фантазия. Призывая к непосредственному знакомству с памятником, автор относит все средства его воспроизведения к искажениям объекта (фото, рисунок, план, разрез, слепок, копия и т. д.), они, по его мнению, граничат с подделкой. Но и последние не бесполезны, так как усиливают наблюдательность.

Определяя задачу археологии как изучение памятников и прежде всего памятников искусства, Бушор рассматривает отношение археолога к искусству. «Археология говорит об исторической жизни и открывающемся за ней существе искусства, искусство же сообщает невыразимое» (стр. 9). Поэтому археолог — ни в какой мере не художник, как филолог не поэт, историк религии не святой и т. д. Несомненно справедливым надо признать утверждение автора о том, что археология принимает участие в двух мирах. Во-первых, она открывает суть памятника и его место в истории; во-вторых, она показывает, чье она «идейное дитя», так как она всегда отражает какие-то идеи, продуктом которых она сама является. В большей степени это проявляется в античной археологии. В конце изложения автор определяет великую гуманистическую цель классической археологии — служить духовному преобразованию человека.

Бушор не ставил себе целью дать подробное изложение методики, все замечания, по его собственному утверждению (стр. 3), могут служить лишь маргиналиями к поставленной перед ним теме. Он излагает не сам метод, а дает скорее его характеристику.

Однако даже эти общие положения автора вызывают ряд возражений. Во-первых, термин «археология» включает в себя не только изучение памятников

(Denkmälerkunde), но имеет и другую сторону — полевую практику. Поэтому и методика этой науки может рассматриваться в двух аспектах: методика *добычания* археологических памятников и методика *изучения* уже добытого материала. Эти две сферы не должны рассматриваться изолированно друг от друга, поскольку каждому археологу известно, что изучение памятника начинается с первой лопатой вынутых слоев. И в изложении методики надо характеризовать обе ее стороны⁴. Во-вторых, если даже брать только одну ее сферу, как это делает автор, то и здесь археология не сводится к изучению памятников искусства (а именно это следует из всего изложения Бушора)⁵. Археология как часть общепризнанного знания призвана изучать все стороны материальной деятельности древнего человека и, прежде всего, сферу производства, экономики.

Во II разделе «К истории археологии» (стр. 11—161), написанном В. Шпрингом, рассматривается история археологической науки, начиная с XVII в. Он состоит из XI глав, каждая из которых по замыслу автора соответствует следующим периодам в развитии археологического знания: I. От Бернара де Монфора до И. И. Винкельмана; II. Гердер, Лессинг, Гете и Веймарский кружок; III. От Х. Г. Гейне до основания Института археологической корреспонденции; IV. От Института археологической корреспонденции до Германского Археологического института; V. Открытия и раскопки в Италии в XIX в.; VI. Греция и М. Азия до начала раскопок в Олимпии; VII. Классическая археология в германоязычных университетах; VIII. Археологическое общество в Берлине и Берлинские Музеи с 1830 г.; IX. Прочие античные музеи: 1) Германия, 2) Италия, 3) Англия, 4) Франция, 5) Россия, Испания, Дания, Швеция, Голландия, Бельгия, Австрия, Венгрия, Польша, Югославия, Швейцария, 6) Греция, Турция, Передний Восток и Северная Африка, 7) Северная Америка и Австралия; X. Археологические инсти-

⁴ В отечественной науке такая характеристика дана в прекрасном руководстве В. Д. Блаватского «Античная полевая археология», М., 1967.

⁵ Для выяснения позиций западной науки на этот счет весьма интересен тот факт, что Э. Перрис, написавший в этом же руководстве раздел об античной «археологической» литературе, цитируя определение Бушора (стр. 395), считает, что оно намного шире дефиниций, общепринятых в Германии, которые трактуют археологию, как историю античного образительного искусства. К сожалению, изложение Бушора, как я уже говорил, расходится с его общим определением, так что последнее остается лишь благим пожеланием.

туты и школы в Афинах и раскопки в Греции и Малой Азии с 1875 г. (греческие, французские, немецкие, американские, английские, итальянские, австрийские, шведские, датские, турецкие и прочие раскопки); XI. Археологические Институты и Школы в Риме и новые раскопки в Италии. Обзор заканчивается заключением и снабжен приложением «Археологические кафедры в германоязычных университетах».

Не вдаваясь в подробности обильного фактами изложения, ограничусь лишь несколькими замечаниями общего порядка. Как видно уже из простого перечня содержания глав, львиная их доля (6 из 11 — около 100 страниц) посвящена преимущественно или целиком обзору истории немецкой археологии. Немецкие ученые упоминаются везде, где можно; даже там, где речь идет об ученых других стран, приводятся имена германских археологов, выступающие как их учителя. Показателен пример с Россией. Из всех многочисленных исследователей наших памятников XIX — XX вв. упоминаются: Людольф Стефани, Георг Трой, Гангольф фон Кизерицки, Оскар Вальдгауэр, Эрнст фон Штерн, а из остальных только Фармаковский и А. А. Передольская. Встречаются и такие фразы (стр. 83 сл.): «Людольф Стефани переехал в 1845 г. в Дерпт как значительный ученый и знаток Греции, Малой Азии и Рима, чтобы потом в 1850 г. в Петербурге принять главную роль в русской археологии». Надо заметить, что хранителю Эрмитажа Л. Стефани, кстати, никогда самому не копавшему, а только обрабатывавшему и издававшего материал чужих раскопок, никто никогда не поручал «главной роли» в русской археологии. Когда автор говорит о коллекциях Эрмитажа, он не упоминает имени зодчего, построившего Зимний дворец — В. Растрелли, и других архитекторов всего ансамбля, зато приводит имя мюнхенского архитектора Л. Кленце, по проекту которого отстроен Новый Эрмитаж.

В то же время кажется странным, что наряду с частыми упоминаниями второстепенных ученых отсутствуют некоторые выдающиеся имена даже немецких исследователей античного искусства, таких как А. Шпрингер, известное руководство которого (по непонятной причине вообще не фигурирующее на страницах обзора) по праву считается и по настоящее время одним из лучших по своему подходу к материалу, хотя и несколько устаревшим. Это произошло, очевидно, по той причине, что такие ученые, как только что названный, или, например, Й. Дурм (известный своими исследованиями по греко-римской архитектуре), не занимали кафедр в университетах и не работали в музеях и на раскопках (последний, к примеру,

преподавал в Высшей технической школе в Карлсруэ).

Неправомерным кажется также и предлагаемое деление истории науки на периоды. Вся археология XVIII в. подразделяется как бы на три периода: 1) до Винкельмана; 2) Винкельман и его время; 3) время учеников Винкельмана и его последователей. В отдельных случаях нарушен историзм изложения. Обзор развития археологии ведется с конца XVII в., хотя обычно его начинают с эпохи Возрождения и даже с античности. Это приводит к тому, что такой значительной фигуре, как Кириак Анконский, уделено буквально два слова. Стремление автора выдвинуть на первый план немецкую науку ведет, например, к тому, что об основании Греческого археологического общества (1837 г.) или Французской школы в Афинах (1846 г.) сообщается много позже, чем об учреждении Германского археологического института (1874 г.).

Нельзя, конечно, отрицать ведущую роль немецкой археологии и ученых в XIX в., однако, подобное тенденциозное изложение явно вредит задачам «Руководства», которое, по мысли его авторов, должно стать археологическим пособием всех ученых-антиковедов, а не только немецких (ср. стр. VII), при этом авторы преследовали скорее не дидактические, а информационные цели. Этот недостаток сознает и сам автор раздела (ср. стр. 157), который ссылается на недостаток места и информации. Среди новейших открытий археологии совершенно не освещены такие важные области, как побережье Черного моря (Юг СССР, Болгария, Румыния), территория Албании, Югославии, Южной Франции и Испании, а также многочисленные римские провинции (ср. стр. 158). Этот существенный недостаток должен быть преодолен при перепечатке рецензируемой работы, и здесь задача составителя облегчена тем, что вышел ряд обзоров, в том числе и на западноевропейских языках, как, например, содержательная статья Хр. Данова в *RE. Suppl. IX, 1962, s. v. Pontos Euxinos*. Кроме того, было бы желательным использовать обзоры и общие работы и на славянских языках, как, например, уже упоминавшуюся книгу С. А. Жебелева. Тогда бы удалось избежать таких досадных погрешностей, когда авторство сборника «Ольвия», известного составителю раздела по рецензии Э. Минца, ошибочно приписывается Жебелеву, являвшемуся на деле только его редактором и поместившему в нем только две свои статьи (стр. 158, прим. 2). Или, например, когда в далеко не полном перечне музеев СССР стоит крошечный музей заповедника «Ольвия» и совсем не упоминаются гораздо более значительные: Николаевский, Симферопольский, Ялтинский, Краснодарский и др.

Третий раздел составляет краткий очерк Б. Швайцера «Проблема формы в искусстве древности», переработанный для нового издания У. Хаусманном, добавившим в основном ссылки на новую литературу, а также обзор современного состояния структурного метода в искусствоведении. В этом очерке непосредственно к изложению предпосланы общие вводные замечания о месте проблемы формы в искусствоведении (стр. 163 сл.), где рассматриваются общие вопросы формального анализа в его историческом развитии, дается общая оценка значения произведений древнего искусства для истории и современности, а также определяется роль исследователей в интерпретации памятников. Во II гл. «Интерпретация формы в науке» выделяются и подробно характеризуются отдельные степени интерпретации: 1) интуиция; 2) формальный анализ; 3) синтез — высшая степень. Разбирается их соотношение и взаимоподчинение в процессе осмысления памятника. Автор не берется по соображениям места рассматривать методику формальной интерпретации и отсылает читателя к работам признанных в этой области специалистов — Земпера, Фидлера, Гильдебрандта, Ригля, Вёльфлина, Бенедетто Кроче. В III гл. дается понятие формы и ее составных частей, понятие «материального» и «идеального»; сущность произведения искусства определяется не как действительность, а как ее подобие, символ. Окончательно форма определяется, как «воспроизведение предмета в некой закономерности, обусловленной выбором материала, психологическим и духовным факторами». В IV гл. «Художник» после предварительных библиографических сведений рассматривается место художника в процессе создания, «одухотворения» произведения. Этот процесс обусловлен как объективно историческими (местность и климат, нация, культура, уровень духовного развития, традиция, наследие школы, влияния), так и субъективными факторами (индивидуальность и самосознание художника).

В последующих двух главах V и VI даются определения формы, стиля, развития в их взаимосвязи, а также типов и жанров. Гл. VII—X посвящены собственно формальному анализу и интерпретации формы в науке. Рассматриваются основные принципы и категории формального анализа в следующих аспектах: природа и искусство, античные эстетические учения, феноменология искусства. В главе о критериях формального анализа автор останавливается на вопросах материала, количественной и качественной структуры и отношения формы к пространству и времени, средства изображения формы. Далее идет речь об историческом развитии и, соответственно, интерпретации формы. При этом автор останавливается на во-

просах отношения формы ко времени и эпохам, взаимоотношения формы и ее создателя. Здесь основное внимание уделяется проблеме непрерывных формальных структур и их связи с коллективным творчеством.

Раздел заканчивается кратким критическим разбором отдельных проблем и теорий, затронутых Швайцером, на современном уровне их решения. Это приложение составлено У. Хаусманном. В целом, данное эссе надо признать полезным, особенно для начинающих историков античного искусства; непосредственное обращение к конкретно-историческим примерам и обильные ссылки на литературу позволяют наглядно представить отдельные теоретические положения автора и самому глубоко заняться каким-то частным вопросом. Речь может идти только о целесообразности включения данного раздела в «Handbuch der Archäologie», и даже не столько об этом, сколько о необходимости включения в него гораздо более важных глав, затрагивающих актуальные для любого археолога методические вопросы, как, например, раздел о методике исторических выводов на археологическом материале. Это упрек того же рода, который сделан выше к вводному разделу Бушора; речь идет опять же о понятии «археология» и об ее методике.

Вторая часть «Руководства» посвящена письменности и письменным свидетельствам древности. Первый раздел ее включает письменность древнего Востока, Крита и Кипра. Гл. I рассматривает развитие письма в этих областях, ей предпосланы общие замечания о возникновении и путях развития письменности в II—II тыс. до н. э. «Письменность египтян», написанная Х. Бруннером (стр. 208—213), в сжатой форме разбирает внешний вид, структуру и способы исполнения египетского иероглифического письма. Автор кратко останавливается на развитии иероглифов с момента их возникновения (около 3000 г. до н. э.) вплоть до исчезновения их в IV—V вв. н. э. Бруннер разбирает последовательно различные виды, соответственно, фазы развития письма египтян: иероглифическое, курсивное ператическое письмо и сменившее его демотическое. Несколько слов уделено также мероитской алфавитной письменности. Неправомерным кажется отсутствие в этом очерке даже кратких сведений о дешифровке иероглифов, и, конечно, необходимо было бы упомянуть в этой связи имя Ф. Шампольона.

В следующем очерке «Клинопись» (автор Д. О. Эдцард) показаны основные принципы и форма письма. Система клинописи рассматривается в ее историческом развитии у разных народов, ее применявших и воспринимавших: шумерийцев, аккадян, эламцев, хурритов, урартов, хеттов. Упоминаются также

недавние находки табличек из Тэртэриш со знаками, похожими на формы из слоя III Урука (I четв. III тыс.). Клинопись, оформившаяся к началу III тыс. и исчезнувшая в I в. н. э., справедливо оценивается, как высокое достижение народов Месопотамии.

Следующий очерк «Письменность Элама» написал В. Хипп. Протоэламское пиктографическое письмо, известное преимущественно по табличкам из Суз, возникло где-то около 2900 г. до н. э. и существовало до XXVI столетия до н. э., когда его сменило эламское линейное письмо. Последнему пришла на смену около 2220 г. шумеро-авилонская клинопись. Большая часть протоэламской письменности до сих пор не дешифрована. Дешифровку эламского слогового линейного письма осуществил в 1961 г. на базе вавилоно-эламской билингвы автор этого очерка В. Хипп, который приводит здесь выработанный им силлабарий.

Краткий очерк о хеттском пиктографическом письме написал Г. Миттельбергер, который предпосылает ему довольно содержательный список обширной литературы, включая новейшую. Хеттское пероглифическое или картинное письмо существовало от XVI до VII в. до н. э. на довольно широкой территории и делится на два периода: 1. Эпоха Хеттской державы (примерно до 1190 г.); 2. Эпоха мелких княжеств на юге Анатолии и Северной Сирии (около 900—700 гг.). Автор перечисляет виды надписей и отдельные документы. Система хеттского пероглифического письма состоит из идеограмм, служащих одновременно детерминативами, и знаков для гласных и согласных и для различных их комбинаций. Формы знаков довольно устойчивы на протяжении всего периода. Хеттский язык — индоевропейский, входящий в анатолийскую языковую группу, автор склонен считать его продолжателем родственного ему лувийского. Так же, как в очерке о египетских пероглифах, было бы желательно и здесь кратко осветить историю дешифровки и упомянуть относящиеся к ней имена.

Справедливо основное внимание и место (стр. 234—288) уделено обзору критской и кипрской систем письменности, поскольку их носители были непосредственными предшественниками этнически родственными им греков I тыс. до н. э. Написал его недавно скончавшийся Э. Грумах, являвшийся крупным специалистом в этой области. Предварив очерк ссылками на общую литературу и вводными замечаниями об истории находок первых документов критского письма, он начинает его с рассмотрения систем, предшествовавших линейному письму А и В: пероглифического и пероглифо-пиктографического шрифтов. Здесь автор перечисляет материал, основные

виды надписей, способ письма, а также приводит гипотезы об их содержании. Отводится место также географическому распределению памятников подобного рода и их хронологии; они возникают, в основном, в III тыс. до н. э. и потом постепенно переходят во II тыс. в линейное А, которое представляет собой ряд локальных критских шрифтов. Автор приводит основные документы, разбирая характер их письма, применявшуюся в них цифровую систему и область их распространения на Крите. По мнению автора, линейное письмо А исчезает повсеместно на острове после катастрофы ПМ I—B (около 1460/1450 г.).

Примерно тот же круг вопросов рассматривается автором и применительно к линейному В; памятников этого письма с Крита и материка насчитывается сейчас уже более 4000 (в то время, как надписей линейного А только около 300). Автор отмечает принципиальное отличие этих двух систем письменности — более половины знаков линейного В были введены заново. Резюмируя тезисы различных исследователей о весьма спорной хронологии документов линейного В, он приходит к выводу, что этот шрифт был выработан кипскими писцами сразу после вышеупомянутой катастрофы и просуществовал вплоть до разрушения Кносского дворца в конце ПМ III—A₁ или в начале ПМ III—A₂ и даже до более позднего времени. Несколько страниц Грумах посвящает памятникам особым или локальным форм письма: фетскому диску, лабирису из Аркалохори, алтарю из Маллии, «алфавитообразным» знакам, а также «примитивным линейным знакам и фигурам» Эванса.

Особо рассматривает автор вопросы распространения критского письма, его возникновения и родственных связей, а также его дешифровки. Он отмечает, что линейное письмо распространилось с Крита на многие острова Эгейды, а также в многочисленные поселения греческого материка. По спорному вопросу о времени появления линейного В в Греции автор склоняется к тому, что это произошло где-то около 1400 г. Кроме этих областей памятники критской линейной письменности попали в Египет, Малую Азию, на Кипр и Липарские острова. Он также рассматривает параллели критскому шрифту в египетском, хеттском, протоэламском и иберийском письме. В центре внимания стоит важнейший вопрос о дешифровке данной системы письменности. Грумах, не относившийся к числу ученых, принимающих дешифровку линейного В Вентрисом, подробно излагает последнюю и вслед за тем суммирует все контрдоводы против этой дешифровки. Тем не менее, он считает бесспорным вопрос о том, являлись ли носители линейного В по своей этнической принадлежности греками. Несмотря на

то, что в предложенной Вентрисом дешифровке есть ряд объективных трудностей, неясностей, противоречий и перешепанных вопросов, отмечаемых, впрочем, и ее сторонниками, позиция Грумаха и других скептически настроенных ученых кажется все же несколько гиперкритичной, поскольку дешифровка Вентриса находится, несомненно, на верном пути; это следует, хотя бы, из замечательного совпадения ряда терминов в хозяйственных табличках и соответствующих им идеограмм, как бы критически к такому совпадению не относиться. К предложенным дешифровкам линейного А автор относится отрицательно.

Следующий большой раздел, написанный тем же автором, посвящен кипрской письменности. В нем разбираются две системы: кипрское слоговое письмо и кипро-минойский шрифт. Грумах со всей присущей ему полнотой рассматривает тот же круг вопросов, что и в очерке о древнем письме Крита. Свое внимание он особенно заостряет на происхождении кипрского письма, истории его развития, а также дешифровке. Вопрос о возникновении кипро-минойского письма и его хронологии весьма сложен. Критически разбирая противоречивые гипотезы различных исследователей, Грумах склонен относить возникновение этой системы письменности на Кипре к XIII в. до н. э. независимо от критского линейного письма, не исключая при этом более поздние непосредственные влияния со стороны последнего. Более просто обстоит дело с уже давно известным и дешифрованным кипрским силлабарием, который появляется в VII в. до н. э. и продолжает существовать на острове и после принятия греческого алфавита вплоть до конца III в. до н. э. В противоположность расшифрованным текстам силлабического письма, написанным на греческом языке, до сих пор не осуществлена дешифровка кипро-минойских надписей, и даже не выяснен язык носителей этой системы письменности. В целом, оба очерка Грумаха представляют весьма содержательный и ценный компendium многочисленных вопросов и гипотез различных исследователей о древней письменности Крита и Кипра с их критической оценкой и изложением собственных позиций автора.

Заключительная часть этой главы написана В. Рёллигом (стр. 289—302), она посвящена алфавитным системам письма и рассматривает в сжатой форме клинописные алфавиты Угарита и Палестины, протоханаанские формы шрифта и некоторые ранние виды алфавитного письма. Основное внимание автор уделяет семитическим алфавитам, их возникновению, развитию и распространению в различных областях древнего мира. Заканчивает очерк краткая характеристика южносемитических систем письма, а так-

же ливийского и турдетанского шрифтов. К своему обзору автор приложил таблицу рассмотренных алфавитов, которая делает изложение наглядным.

Во II гл. этого раздела, написанной Х. Бруннером (стр. 303—315), рассматриваются все виды материалов, на которых писали в древнем мире, и их значение: камень, металл, дерево, кость, глина, материя, кожа, папирус. Автор разбирает особенности каждого материала и связанное с этим его использование для определенных памятников, рассматривает области его распространения, а также преобладание того или иного вида в отдельных странах.

В небольшой по объему III гл. (стр. 316—319) тот же автор разбирает надписи как средство для определения памятников. В этом аспекте он рассматривает подписи отдельных лиц, надписи как источник для истории и технологии искусства и строительные надписи. Тот же автор посвятил IV гл. (стр. 320—329) художественному значению шрифта. Он разбирает этот вопрос по трем направлениям: отдельные знаки письма, их связь в едином тексте и надписи в ряду произведений искусства. В последнем случае разбор идет по областям: Египет, Месопотамия, Сирия и Палестина. Не выдвигая упреков по частным вопросам, можно было бы лишь спорить о целесообразности введения данного очерка в «Руководство по археологии» вообще, т. е. опять выступить против понимания археологии в узком смысле, как искусствоведения.

Второй раздел второй части книги посвящен собственно греческим и италийским надписям, он написан видным эпиграфистом, ныне покойным — Альбертом Ремом (стр. 331—393). Этот раздел, подготовленный им для издания 1939 г., в настоящем варианте «Руководства» отредактирован Г. Клаффенбахом, задача которого заключалась в добавлении новейшей литературы, почти совсем не вторгаясь в текст Рема (см. прим. изд. на стр. 331). Свое изложение автор предваряет рядом замечаний общего порядка и довольно обширной библиографией. Глава А посвящена эпиграфической технике. Здесь рассматриваются способы очистки камня, эстампажа, техника предварительной обработки текста и его окончательного издания, для чего приводится «Лейденская система скобок». В главе В рассматриваются многочисленные вопросы возникновения и раннего развития письменности греко-италийского круга. Кратко останавливаясь на предшественниках греческой письменности — минойском и кипрском слоговом письме, основное внимание автор уделяет сложной проблеме возникновения греческого алфавита. Принимая гипотезу У. Вилламовица-Мёллендорфа о греческом алфавите как творении одного «неизвестного благодет-

теля человечества», он подробно разбирает ряд раннегреческих надписей для выяснения главного вопроса: когда греками был принят и творчески переработан для их родного языка северосеMITический алфавит. Для решения этого вопроса он предлагает три пути: сопоставление древнейших греческих надписей с раннефиникийскими, хронологическая фиксация древнейших греческих письменных памятников и, наконец, сравнение с ними письменности западных и восточных соседей Греции, которые восприняли ее алфавит. Сравнение раннегреческого алфавита с известными финикийскими памятниками — надписями Ахиромы, Мехимилка и «камнем Месы» позволяет ему датировать семитический прототип греческого алфавита XI—X вв. до н. э. Далее, исследуя раннегреческие надписи, он привлекает древнейшую аттическую надпись на диплонской вазе, граффити с Гиметта, коринфский черепок с граффито и ряд других памятников. На основании анализа этих надписей и надписей из колоний Великой Греции он устанавливает верхнюю границу возникновения алфавита — начало VIII в. до н. э. В целом, он предпочитает датировать это событие IX веком, хотя не исключает XI и IX вв. Третий путь — анализ этрусского и некоторых малоазиатских алфавитов, мало что дает для определения этой даты.

Эта часть очерка Рема вызывает ряд критических замечаний и возражений. Во-первых, рассматривая вопрос о времени возникновения греческого алфавита, автор ни слова не говорит о месте, где этот алфавит был впервые заимствован от финикийского, проблеме не менее важной и вызывающей большие споры у современных исследователей. Во-вторых, теперь через 30 лет после написания этого очерка многие датировки памятников устарели. Так, например, приводимая на стр. 346 (рис. 17) аттическая надпись датируется теперь не началом, а второй половиной VIII в. (около 730—720 гг. до н. э.)⁶, и вообще не является теперь древнейшей греческой надписью в связи с новыми находками граффити на о. Питекусса в Великой Греции⁷. Эта ошибка (в которой, впрочем, насколько нельзя упрекнуть самого Рема) объясняется главным методическим просчетом составителей «Руководства» и особенно четко проявляется в разбираемом разделе. Дело в том, что несмотря на мнение издателя Хаусманна (стр. VII), что данный очерк Рема «так хорошо оправдал себя, что оставлен» в «Руководстве», эпиграфика по этому вопросу за 30 лет шагнула далеко вперед, и при

переработке очерка нельзя было просто давать ссылки на новую литературу (например, на основополагающую работу Л. Джеффри⁸), не внося соответствующих выводов из этих работ в текст.

Но возвратимся к очерку Рема. Следующие страницы автор посвящает изложению ранней истории греческой письменности, т. е. истории развития и трансформации букв в различных греческих локальных алфавитах. Этот обзор, в принципе, сохранил свое значение, хотя в некоторых частях сильно устарел. Так, прилагающаяся на стр. 350 таблица алфавитов нуждается в ней на месте отдельных букв в некоторых локальных алфавитах стоят прочерки, т. е. эти буквы не были засвидетельствованы там ко времени написания очерка, но зато известны сейчас благодаря возросшему эпиграфическому материалу⁹.

Во второй части этой главы Рем разбирает письменность италийского круга — этрусков и римлян. Кратко останавливаясь на этрусской проблеме и связанной с ней проблеме алфавита этрусков, заимствовавших его у греков, он уделяет главное место возникновению и раннему развитию латинского алфавита. Он критически разбирает обе гипотезы о происхождении алфавита римлян — от этрусков и кумских греков, сам же стоит на той позиции, что алфавит Лация был заимствован из Кум, а «римский городской» алфавит испытал на себе заметное этрусское влияние. Возник же латинский алфавит, по его мнению, скорее всего в VII в. до н. э. Далее идет краткая история его развития и распространения.

Следующая глава называется «Надпись как произведение искусства»; здесь рассматривается история развития греческой и латинской палеографии в эстетическом аспекте, т. е. эта глава, посвященная античной письменности, является аналогом вышерассмотренному очерку Бруннера. Однако, эссе Рема представляет большую ценность, так как он посвящен, в принципе, собственно палеографии лапидарного шрифта, материалу письма и его расположению на камне, что имеет для исследователя гораздо большее значение, нежели выяснение эстетической значимости того или иного стиля шрифта. Этот содержательный очерк не утратил до сих пор своей ценности; это следует хотя бы из того, что терминология Рема (например, «геометризация» букв) общепризнана в настоящее время и вошла во все эпиграфические справочники. Замыкает этот раздел небольшая глава

⁸ L. H. Jeffery, *The Local Scripts of Archaic Greece*, Oxf., 1961.

⁹ См. Guarducci, *ук. соч.*, табл. I, II.

⁶ См. M. Guarducci, *Epigrafia greca*, I, Roma, 1967, стр. 135.

⁷ Там же, стр. 225 сл.

о различных категориях археологически важных надписей (аналогичная очерку Бруннера для древневосточной письменности — стр. 316—320).

Наконец, третий замечательный раздел второй части книги (стр. 395—496) составляет обзор греческих и латинских литературных памятников, трактующих об археологии и античном искусстве; он написан Э. Перинсом и переработан для настоящего издания В. Х. Гроссом. После небольшого вступления, где автор приводит термин «археология» в понимании античных авторов, он переходит к разбору перигетов и перигез, где на первом месте стоит, конечно, «Описание Эллады» Павсания. В этой краткой главе автор обстоятельно рассматривает литературную форму и тенденцию перигезы Павсания, ее источники и стиль, и заканчивает кратким очерком о пребывании Павсания в Олимпии как небольшой иллюстрацией огромной значимости его труда. В обширной главе В Перинс разбирает античную специальную литературу, причем обзор ведется в трех направлениях. В первом — рассматриваются авторы, писавшие об архитектуре и технике. Здесь фигурируют следующие имена: Витрувий, Херсифрон и Метаген, Феодор Самосский, Гермоген, Иктий, Питей, Филон из Афин, Филон Византийский, Герон, Аполлодор Дамасский и ряд мелких писателей. Во второй разряд входят авторы, писавшие о живописи: Агатахр, Анаксагор, Демокрит, Памфил, Протоген, Эвфранор, Артемон и др. В третий — авторы, оставившие сочинения о пластике и тореитике: Поллис, Поликлет, Менехм, Адэй и др.

В главе С дан обзор основных античных описаний произведений искусства, в том числе реторических экфраз. Автор начинает его с гомеровского описания щита Ахилла и доводит до византийских писателей: Сидония Аполлинария, Прокопия и Иоанна из Газы, Никиты Хониата, Иоанна Цеца и других. В главе D даются некоторые замечания об «археологии» в античной литературе. Здесь опять же изложение ведется от Гомера, через трагиков и иных авторов классической эпохи и доходит вплоть до позднеримских и византийских писателей. Глава E трактует об эпиграммах, надписях и надписях как источниках по изучению археологических памятников. Надо заметить, что в какой-то своей части (надписи) эта глава дублирует очерк Рема (стр. 390—393), и было бы целесообразнее их объединить. Заканчивает изложение, как и весь *Handbuch*, глава F о искусствоведении в древности, где рассматриваются источники и собственно изучение памятников искусства в античности по эпохам. В общем, надо сказать, что Перинс понимает археологию гораздо шире, чем Бушор (ср. стр. 3—10) —

не как только науку о произведениях греко-римского искусства, а как дисциплину, изучающую все стороны материальной деятельности прошедших эпох. Этот содержательный очерк не потерял своего значения до настоящего времени и вполне может служить ценным пособием для изучения античных авторов в рассмотренном аспекте.

Handbuch снабжен значительным количеством таблиц и рисунков в тексте, которые иллюстрируют основные наиболее важные и характерные памятники древней письменности, а также индексом и списком сокращений. К двум последним можно предъявить ряд претензий. Так, в первом — часто отсутствуют имена и географические названия, фигурирующие в примечаниях и даже в основном тексте, но не выделенные крупным шрифтом, таких случаев можно было бы привести много. Этот недостаток, несомненно, не преодолим; в качестве примера приведу образцово изданные в родственной серии «*Handbuch der Altertumswissenschaft*» монументальные работы по мифологии О. Гринпе (1906 г.) и М. Нильсона (2 изд., 1955—1961 гг.), где все собственные имена даны в регистре (в книге Гринпе даже со ссылкой на соответствующий номер примечания данной страницы). В списке же сокращений отсутствуют многие такие, расшифровку которых трудно или порой невозможно найти в тексте, напр. GGA (= *Göttingische gelehrte Anzeiger*), R. Civ., WVD OG и др. Могут возразить, что их не следует вносить в список, т. к. они хорошо знакомы зарубежному специалисту, но тогда зачем помещать там такие аббревиатуры, как *Historia*, *Kadmos*, *Saeculum*, которые собственно и сокращениями-то не являются, тем более, что они гораздо лучше знакомы антиковедам. Это мелочи, но тем более досадные, что они затрудняют пользование справочником.

Основной недостаток «Руководства» состоит, на мой взгляд, в том, что в нем сохранен ряд лишь слегка переработанных очерков издания 1939 г., идеи которых при всей их значимости не могут сейчас при настоящем состоянии науки приниматься безоговорочно. Ссылки на современную литературу и новые гипотезы, которыми снабдили соответствующие разделы их редакторы, вступают в противоречие с основным содержанием последних, однако, как правило, не находят себе места. Мне кажется, что это прекрасно сознавал и сам издатель Ульрих Хаусманн, это видно хотя бы из его замечаний к главе о форме в искусстве (стр. 201 сл.). Преодоление этих основных противоречий в вероятном новом переиздании справочника было бы весьма желательным и лишь усовершенствовало бы эту несомненно полезную книгу.

В заключение необходимо сказать, что несмотря на все сделанные замечания, возобновление издания этой фундаментальной энциклопедии следует признать значительным событием в истории клас-

сической науки, и надо думать, что она в том объеме, в котором ее намечается издать, сослужит добрую службу не одному поколению антиковедов.

Ю. Г. Виноградов

DONALD R. DUDLEY, *The World of Tacitus*, London, 1968, 271 стр.

Книга Дональда Р. Дадли «Мир Тацита» — еще одна научно-популярная работа о великом римском историке и писателе. Под «миром» Тацита автор понимает совокупность тех областей римской действительности, которые привлекли особенное внимание древнего историка и наиболее полно отразились в его сочинениях. Соответственно, образующие книгу десять глав как бы распадаются на две группы. В первой (гл. 1—4 и примыкающее к ним «Предисловие») дается представление об обстоятельствах, обусловивших данное, а не иное направление Тацитова исторического видения — о его жизни, мировоззрении и общем характере сочинений; во второй (гл. 5—10) последовательно описываются сами эти области римской действительности, какими их видел Тацит, — императоры и их окружение (стр. 76—115), сенат (стр. 116—131), армия (стр. 132—157), Рим и его население (стр. 158—173), провинции (стр. 174—199), отношения Рима с соседями (стр. 200—233). За основными главами следуют: «Заключение», где сообщаются некоторые сведения о месте Тацита в европейской культуре нового времени, примечания, библиографическая справка и указатель.

В главах первой части биография Тацита и общая характеристика его творчества излагаются достаточно традиционно; здесь преобладают суждения, неоднократно формулировавшиеся в науке — в большинстве своем справедливые, иногда вызывающие возражения. Общественно-политическая позиция Тацита справедливо характеризуется как включающая в себя известное противоречие: понимание исторической правомерности принципата сочетается в ней с моральным протестом против его террористических эксцессов (стр. 23—26). Кратко и ясно изложен вопрос об источниках Тацита (стр. 28—34). К числу удачных мест следует отнести также разбор характеристики Тиберия в «Анналах», обнаруживающий связь этого образа у Тацита с мифологическими образами тиранов в литературной традиции (стр. 78—83).

В числе спорных мест первой части книги можно назвать тезис о создании Тацитом «Анналов» в эпоху Адриана и определение первоначального числа книг, составлявших «Историю».

Вслед за Р. Саймом Д. Р. Дадли без аргументации принимает позднюю дату смерти Тацита и даже указывает ее совершенно точно — 125 год (стр. 17, ср. стр. 76). Как объяснить при этом сохранение во второй книге «Анналов» (гл. 61) описания восточной границы Империи, изменившейся в 117 г., остается неясным; не теряют силы и другие соображения против поздней даты, уже высказывавшиеся на страницах этого журнала¹. Первоначальное число книг в «Истории» без колебаний признается равным 12 (стр. 18). В пользу этой гипотезы не говорит ничто, кроме соблазнительной логической стройности: если общее число книг в исторических сочинениях Тацита составляло, как известно, 30², то предположение о 12 книгах «Истории» позволяет объединить *opera maiora* единым гексадным построением — «История» 6 + 6, «Анналы» 6 + 6 + 6. Теперь, однако, можно считать доказанным, что «Анналы» не были дописаны автором³, и Иерониму поэтому были известны те самые 16 книг этого произведения, которыми располагаем и мы; таким образом, число книг «Истории», скорее всего, всегда равнялось 14.

Главы, образующие вторую часть книги, строятся в большинстве по единому плану: сначала автор кратко и в своей — довольно свободной — интерпретации характеризует общий взгляд Тацита на данную область римской действительности, затем следует изложение — редко в цитатах, обычно в пересказах — тех мест из сочинений древнего историка, которые призваны раскрыть и подтвердить исходный тезис. Так, в главе об армии мысль состоит в том, что на протяжении I и II вв. легионы и преторий играют все возрастающую роль в политической жизни Империи, что задача Тацита состояла в показе начальной стадии этого процесса и в изображении

¹ ВДИ, 1970, № 2, стр. 216.

² Hieronymus, Comm. ad Zach. III, 14=Migne, P. L., XXV, стр. 1552: Cornelius Tacitus qui post Augustum usque ad mortem Domitiani vitas Caesarum triginta voluminibus exaravit.

³ Koestermann, «Gnomon», XI (1935), стр. 322; ср. R. Syme, Tacitus, II, Oxf., 1958, гл. 37 и прил. 35, 60.